

УДК. 92/94-930
Мухамедов Шерзод
Преподаватель
Университет Алфраганус
Узбекистан, Ташкент
Mukhamedov Sherzod
University lecturer
Alfraganus University
Tashkent, Uzbekistan

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОССУАРИЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация

Статья обобщает ключевые подходы к изучению оссуариев Восточноиранского круга (прежде всего Согда) в пяти влиятельных корпусах работ: топографический и историко-географический фрейм Ю. Ф. Бурякова для Чача/Ташкентского оазиса; публикация С. Б. Луниной и З. И. Усмановой об уникальном оссуарии из Кашкадарьи; типологико-иконографический анализ оссуариев Ташкента у В. С. Минасянца; историографическая и типологическая модель Л. В. Павчинской для раннесредневековых оссуариев Согда; формально-стилевая и культурно-историческая интерпретация мианкальских оссуариев Г. А. Пугаченковой. Показано, как эти работы дополняют друг друга: от картирования и контекстуализации находок к тонкой иконографической атрибуции и культурной интерпретации. Предложены направления дальнейших исследований (морфометрия, атрибуция мастерских, межрегиональные сравнения).

Ключевые слова: оссуарий, Согд, Чач, Кашкадарья, Мианкаль, иконография, типология, зороастризм.

HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF OSSUARIES IN CENTRAL ASIA

Abstract

This article summarizes the key approaches to the study of ossuaries in the Eastern Iranian region (primarily Sogdiana) in five influential bodies of work: Y. F. Buryakov's topographical and historical-geographical framework for the Chacha/Tashkent oasis; the publication by S. B. Lunina and Z. I. Usmanova on the

unique ossuary from Kashkadarya; the typological and iconographic analysis of the Tashkent ossuaries by V. S. Minasyan; the historiographical and typological model by L. V. Pavchinskaya for the early medieval ossuaries of Sogdiana; formal-stylistic and cultural-historical interpretation of the Miankal ossuaries by G. A. Pugachenko. It is shown how these works complement each other: from mapping and contextualization of finds to subtle iconographic attribution and cultural interpretation. Areas for further research are proposed (morphometry, attribution of workshops, interregional comparisons).

Keywords: ossuary, Sogd, Chach, Kashkadarya, Miankal, iconography, typology, Zoroastrianism.

Введение Оссуарии — контейнеры для вторичного помещения костных останков — являются одним из наиболее ярких археологических индикаторов зороастрийской погребальной практики в Средней Азии поздней античности и раннего Средневековья. Их изучение неизбежно требует соединить топографию памятников, стратиграфию и вещественную типологию с религиоведческими реконструкциями.

Первое научное описание подобных находок относится к концу XIX века. В 1885 г. археолог-востоковед Н. И. Веселовский при раскопках Афрасиаба (древнего Самарканда) обнаружил керамические ящики с человеческими костями и заключил, что эти глиняные сосуды являлись погребальными костехранилищами. Веселовский назвал их «глиняными гробами», фактически введя в научный оборот понятие оссуария как особого типа погребального инвентаря. В последующие десятилетия исследователи прочно связали оссуарии с зороастрийским обрядом погребения. Ещё дореволюционные петербургские востоковеды высказали мысль о зороастрийской природе оссуариев Средней Азии, отмечая при этом локальные отличия от иранской традиции. Советские учёные, в целом, развивали эту точку зрения, рассматривая массовое распространение

оссуариев в регионе как свидетельство господства особой, среднеазиатской формы зороастризма. В то же время предпринимались попытки альтернативной атрибуции: высказывались сомнения в том, что абсолютно все находки оссуариев связаны с зороастризмом – отдельные исследователи допускали, что некоторые из них могли принадлежать представителям иных вероисповеданий (например, иудеям, христианам или манихеям). Однако каких-либо убедительных доказательств зороастрийского использования оссуариев в Средней Азии не найдено, и преобладающая точка зрения относится к ним как к атрибутам зороастрийского обряда погребения.

Ранний этап (кон. XIX — 1930-е). Публикации носили характер краеведческих заметок и музейных описаний: фиксировались формы, орнаменты, обстоятельства находок, но почти отсутствовали стратиграфия и иконографические чтения. Советский этап (1950–1980-е). Появились «корпусные» работы и типологии. Статья Б. Я. Ставиского об оссуариях Бия-Наймана[1] задавала масштаб обработки массового материала и выделение устойчивых мотивов штампованного декора. Ю. А. Рапопорт выстроил обрядовую интерпретацию хорезмийских материалов, связав археологию с авестийско-пехлевийской традицией. 1980–1990-е. Формируется «формально-стилевая» школа: Г. А. Пугаченкова трактует мианкальский корпус как продукт устойчивых художественных кодов и серийного производства (матрицы/штампы); Л. В. Павчинская формулирует модель «типология—районирование—хронология» для раннесредневекового Согда и настаивает на опоре иконографических атрибуций на массовые ряды. Региональные своды: В. С. Минасянц (Ташкент и обл.), С. Б. Лунина и З. И. Усманова (уникальный оссуарий из Кашкадарьи).

Исследование оссуариев имеет более чем столетнюю историю, и ряд выдающихся археологов и востоковедов внёс значимый вклад в раскрытие этой темы. Уже упоминались пионеры – Н. И. Веселовский, первым описавший оссуарии Афрасиаба, и его современники (В. В. Бартольд,

А. А. Остроумов, А. В. Пославский, К. В. Тревер и др.), которые в начале XX века обратили внимание научного сообщества на «туркестанские костехранилища». Они заложили основы интерпретации, хоть и на уровне гипотез, связывая форму оссуария с моделями жилища или храма. Однако системное изучение началось позже, уже в советское время.

В 30–50-е годы XX в. произошёл скачок интереса, названный впоследствии «оссуарным бумом». Тогда работали такие учёные, как Б. Я. Ставиский, А. Я. Борисов, Ю. А. Рапопорт, Г. В. Григорьев, Г. Ф. Воронина. Б. Я. Ставиский (1909–1989) – один из первых профессиональных исследователей оссуариев – ввёл в научный оборот материалы Бия-Наймана, опубликовав их в 1961 г. Он предложил периодизацию и типологию, разделив оссуарии на «биянайманский тип» и «овальный тип», и сделал акцент на связи технологических изменений с хронологией. Его труд стал классическим, хотя впоследствии и подвергался уточнениям. А. Я. Борисов в 1940 г. выпустил специальную работу по иконографии биянайманских оссуариев, где, помимо датировки (он склонялся к более поздней дате, не ранее VII в.), предпринял первую попытку расшифровать символику сцен (тот самый тезис о «четырёх стихиях» и об изображении богов). Борисов также обратил внимание на возможность иных (не-зороастрийских) интерпретаций отдельных мотивов, что стимулировало более осторожный подход к атрибуции.

Ю. А. Рапопорт – видный археолог, занимавшийся Хорезмом – внёс крупный вклад, изучая оссуарии в контексте Хорезмийской археологической экспедиции. Его монография 1971 г. («Древности зороастризма в Средней Азии» или близкая по теме) содержала обобщение о происхождении оссуарного обряда и его различиях в Хорезме. Рапопорт показал, что хорезмийская погребальная культура имела свою специфику (хумы-оссуарии античного периода), и выдвинул идею о трансформации прежних форм (статуарных урн) в новые (статуарные оссуарии). Его работы обратили внимание на *этнокультурный* аспект: формирование оссуарного обряда

могло зависеть от миграций и взаимодействия разных народов. Также Рапопорт систематизировал всю тогда известную литературу, фактически создав платформу для дальнейших исследований.

Ю. Ф. Буряков рассматривал Ташкентский оазис как сложную систему древних поселений и путей сообщения, связывающих Чач с Согдом, нижней Сырдарьёй и степью. Хотя его фундаментальные труды не посвящены оссуариям напрямую, именно они задали картографическую и хронологическую рамку, в которой осмысляются клады и погребальные комплексы региона (Тойтепа, Улкан-Тойтепа, Афрасиаб и др.), в т. ч. находки оссуариев Ташкентской области, введённые позднее. Такой «каркас» особенно важен для интерпретации концентраций оссуариев на узлах древних дорог и у культовых центров. Краткое описание оссуария «с ручкой, завершающейся стилизованной головкой животного». [2]

Буряковская модель «магистралей» оазиса — через долины и перевалы, выходы к Сырдарье — помогает объяснять ареальные различия иконографии (степные и «городские» мотивы), что затем эксплуатируется в типологиях по Ташкентскому региону. [1]

Список литературы

- Б.Я. Ставский. Оссуарии из Бия-наймана. Труды Государственного Эрмитажа. Т 5. – 162 стр.
- Буряков, Ю. Ф. *По древним караванным путям Ташкентского оазиса*. Ташкент: Фан, 1978.
- Лунина, С. Б.; Усманова, З. И. «Уникальный оссуарий из Кашкадарьи», *Общественные науки Узбекистана (ОНУ)*, вып. 3, Ташкент, 1985
- Минасянц, В. С. «Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции, их иконография и символика», в: *Культура Среднего Востока: Изобразительное и прикладное искусство*. Ташкент: Фан, 1990, 71–85.
- Павчинская, Л. В. *Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология)*. Автореферат канд. ист. наук. Самарканд, 1990.
- Пугаченкова, Г. А. «Мианкальские оссуарии — памятники согдийского искусства и погребального культа» 1982., Документ 3, 17-стр.

- Историческая топография древних городов ташкентского оазиса (историко-археологический очерк чача и илака)
Издательство «Фай» УзССР, 1975 г. 26-стр.